

Итачи болеет. Впервые на памяти и, как оказывается, вообще впервые в жизни. Тихо кашляет, чувствуя, как от распирающего кома в горле трудно дышать, а вдохи удаётся сделать настолько короткие, что легким чисто физически недостаточно.

Со смерти отца прошло уже два года.

Мама сидит у его футона, меняя мокрую от пота кровать и одежду время от времени, протирая его лоб и давая противные на вкус лекарства.

Итачи, почему-то, все равно. Затянувшаяся на два года хандра наконец вылилась во что-то физическое. В короткие перерывы, когда мама выходит проследить за Саске или поговорить по делам клана, Итачи поворачивается на бок и, тихо скуля, выпускает тоскливые воспоминания.

Прогулка с отцом по парку, разговоры ни о чем и обо всем одновременно. Его тихий смех и теплый, теплый взгляд. Такого взгляда Итачи больше ни у кого не видел. Понимающе-открытый, любящий. Так, наверное, только его отец умел. Выставляя чувства напоказ, не боясь, что за такой открытостью последует удар по больному месту.

Итачи тихо воеет по ночам, матери говоря, что просто слишком больно. Его преследуют кошмары и просыпающаяся осознанность происходящего.

«— Просто... Фугаку-сан... мертв...» — в этих кошмарах Шисуи произносит эти слова глядя ему в глаза. В этих кошмарах он сам стоит возле тела отца, над которым кружат крупные вороны. В этих кошмарах он раз за разом видит, как огненная чакра демона-лиса пожирает желтое Сусанноо вместе с отцом без остатка.

Раньше было не до этого. Он помогал с восстановлением деревни, следил за братом, пока мама раздавала указания и воевала со старейшинами. Раньше он стремительно слеп из-за слишком быстро "порванной" черты между одним и сразу третьим томом. Раньше... просто не было времени оплакивать погибших.

Сейчас... сейчас он будто каждое утро слышит шелест листы и короткие перепалки, фоном, в около-бредовом сну, но слышит: это Какаши с Шисуи ругаются, посещая клановое кладбище. Сейчас все начали замечать, что Моэто-сан, регент клана, отчего-то удивительно седой, хотя Учиха до самой глубокой старости сохраняют цвет волос воронова крыла.

Сейчас Итачи остановился от бешеного ритма выживания, снова вернувшись в какой-то обыденный режим.

Вывавшись из душного кошмара, он садиться, слабо и медленно. На часах пять вечера. Дома никого. Итачи слабо улыбается — наконец-то мама перестала бояться, что он умрет от столь внезапной болезни.

Впервые за два года Итачи идет по дому медленно проводя рукой по стенам.

Вот здесь, на кухне, на стене над столом, нарисована синяя бабочка. Это отец, которого мама упрекнула в несерьезности, показал ей язык и тут же, в подтверждение ее слов, "разукрасил" дом. Итачи обводит полу-стертые крылышки, уже почти не видимые, так как каждую уборку... до того дня... они пытались оттереть не самое красивое изображение.

Итачи наливает стакан холодной воды. Он уже достаточно высок и ему не нужна табуретка, чтобы дотягиваться до нужного. Но он, в погоне за призраками воспоминаний, пододвигает табуретку, вытаскивает из холодильника яйца и становится готовить.

«— Как дела, Итачи? — голос отца настороженно-осторожный, Итачи спиной чувствует, как он плавно скользит по кухне приближаясь к нему "чтобы не спугнуть". — Вижу, ты решил приготовить завтрак.»

Разбить два яйца, слегка посолить.

Итачи давно умеет готовить самую крутую яичницу из всех, по словам маленького Наруто. Но сейчас, задыхаясь от кашля и слез, он готовит ту самую яичницу на два яйца и снова, со странным мазохизмом, оживляет внутри воспоминания.

Еда не имеет вкуса, но он упорно давится, пропихивает немного пересоленную яичницу в большое горло и, прокручивая в голове все самые-самые моменты, травит душу.

Со смерти отца прошло два года.

По всем законам он уже должен был все забыть.

Но почему-то именно сейчас он начинает все вспоминать.

Итачи одевается, медленно, нехотя. Ему тошно, и кружится голова. Но он слышит резкие окрики.

«— Настоящий шиноби никогда не обращает внимание на болезни» — в глазах отца еще не появилась та мягкость и теплота, но Итачи бережет и эти воспоминания.

На улице ранняя весна. Вечера еще по-зимнему прохладные и темные, но на кладбище удивительно светло. Итачи здесь впервые. Даже на похоронах не был, так как полу-ослепший ждал операции по пересадке глаз.

Он читает имена. Медленно бродит по кладбищу. Многих из клана он знал лично, отец ведь брал его с собой, иногда давал читать документы и никогда не прогонял, если кто-то заходил.

Могила отца затеряна среди многих. Самая обычная.

Мраморный камень, символ Конохи и клана.

Итачи заходит за ограждение.

— Привет, — говорит он, и его прорывает.

Итачи не плачет, не ругается, не стонет жалобно от разрывающей его боли и отчаянья. Он молча глотает так и не выступающие слезы, задыхается от несправедливости мира и сжимает кулаки.

Рядом с могилой стоит фотография. Отец там задумчиво-серьезный, но в уголках глаз пляшут смешинки. Кажется это сделали на один из праздников клана.

— Привет, — снова говорит он, и в этом сухо-надтреснутом из-за болезни слове больше всех чувств и эмоций, которые он когда-либо выдавал.

На язык рвутся вопросы и негодование, боль и отчаянье. Но Итачи не смеет упрекать отца за его выбор. Итачи не смеет упрекать отца за его преданность. Итачи просто молча не принимает.

Не издавая ни звука, не шевелясь и ничего не делая, он застывшей каменной статуей изливает все накопившиеся страдания в одном лишь взгляде. Он смотрит на фотографию отца, ведя немой разговор.

Солнце заходит, ветер задувает и неприятно холодит. Лица на фото давно не видно. Итачи закрывает глаза и впервые за все время шевелится.

— Пока.

Говорит он, медленно разворачиваясь и уходя. Дома мама по одному лишь его виду понимает где он был, и ничего не говорит, хотя Моэто-сан мягко упрекает его, ведь они беспокоились.

На следующий день Итачи выздоравливает.